По большаку, правее полустанка,

Идти пять вёрст - деревня Хуторянка.

Спервоначалу были хутора,

Да разрослись. И стали год за годом

Дружнее жить, богаче быть народом

Деревней стали. Сорок два двора.

Вокруг луга - есть чем кормить скотину.

Густы леса - орешник да малина.

Всего хватает: и грибов и дров.

Сойдёшь под горку, тут тебе речушка,

А там, глядишь, другая деревушка,

Но в той уже поменее дворов...

Живёт народ, других не обижая,

От урожая и до урожая,

От снега до засушливой поры.

И у соседей хлебушка не просит.

И в пору сеет. В пору сено косит.

И в пору чинит старые дворы.

И землю под озимые боронит,

Гуляет свадьбы, стариков хоронит,

И песни молодёжные поёт,

Читает вслух газетные страницы...

За тридевять земель Москва-столица,

И дальний поезд до нее везёт...

В родной деревне, третья хата с краю,

Другой судьбы себе не выбирая,

Полвека честной жизни прожила

Хохлова Груша. В тихой Хуторянке

Прошла в труде крестьянском жизнь крестьянки,

И не приметишь, как она прошла.

Здесь в девках бегала, здесь в хороводах пела,

Здесь на гулянках парня присмотрела,

Вошла к нему хозяйкой в бедный дом.

Здесь называлась Грушею-солдаткой,

Здесь тосковала, плакала украдкой,

Здесь вынянчила четверых с трудом.

Она порой сама недоедала,

Чтоб только детям досыта хватало,

Чтоб сытыми вставали от стола.

Она с утра к соседям уходила,

Бельё стирала и полы скоблила

В чужих домах подёнщину брала.

Она порой сама недосыпала,

Ложилась поздно и чуть свет вставала,

Чтоб только четверым хватало сна.

И выросли хорошие ребята,

И стала им тесна родная хата,

И узок двор, и улица тесна.

Последнего она благословила,

Домой пришла, на скобку дверь закрыла,

Не раздеваясь села в уголок.

Стучали к ней - она не открывала,

До поздней ночи молча горевала

Всё плакала, прижав к лицу платок.

Она с людьми тоской не поделилась.

Никто не видел, как она молилась

За четверых крестьянских сыновей,

Которых не вернуть теперь до дому,

Которым жить на свете по-иному

Не в Хуторянке, а в России всей...

...Она хранила у себя в комоде

Из Ленинграда письма от Володи,

Из Сталинграда письма от Ильи,

Одесские открытки от Андрея

И весточки от Гриши с батареи

Из Севастополя. От всей семьи.

В июньский полдень в тесном сельсовете

По радио - ещё не по газете,

Когда она услышала: "Война!"

Как будто бы по сердцу полоснули,

Как села, так и замерла на стуле,

О сыновьях подумала она.

Пришла домой. Тиха пустая хата.

Наседка квохчет, просят есть цыплята,

Стучит в стекло - не вырвется - пчела.

Четыре мальчика! Четыре сына!

И в этот день ещё одна морщина

У добрых материнских глаз легла.

...Косили хлеб. Она снопы вязала

Без устали. Ей всё казалось мало!

Быстрее надо! Жаль, не те года!

И солнце жгло, и спину ей ломило,

И мать-крестьянка людям говорила:

"Там - сыновья. И хлеб идёт туда".

А сыновья писали реже, реже,

Но штемпеля на письмах были те же:

Одесса, Севастополь, Сталинград

И Ленинград, где старший сын Володя,

Работая на Кировском заводе,

Варил ежи для нарвских баррикад.

Когда подолгу почты не бывало,

Мать старые конверты доставала,

Читала письма, и мечталось ей:

Нет на земле честнее и храбрее,

Нет на земле сильнее и добрее

Взращённых ею молодых парней.

Тревожные в газетах сводки были,

И люди об Одессе говорили,

Как говорят о самом дорогом.

Старушка мать - она за всем следила

Шептала ночью: "Где же наша сила,

Чтоб мы могли расправиться с врагом?"

О, как она бессонными ночами

Хотела повидаться с сыновьями,

Пусть хоть разок, пусть, провожая в бой,

Сказать бойцу напутственное слово.

Она ведь ко всему теперь готова

К любой беде и горести любой.

Но не могло её воображенье

Представить город в грозном окруженье,

Фашистских танков чёрные ряды,

К чужой броне в крови прилипший колос.

Не слышала она Андрея голос:

"Я ранен... мама... пить... воды... воды".

Пришёл конверт. Ещё не открывала,

А сердце матери уже как будто знало...

В углу листка - армейская печать...

Настанет день, Одесса будет наша,

Но прежних строчек: "Добрый день, мамаша!"

Ей никогда уже не получать...

...Глаза устали плакать - стали суше,

Со временем тоска и горе глуше.

Дров запасла - настали холода.

Шаль распустила - варежки связала,

Потом вторые, третьи... Мало, мало!

Побольше бы! Они нужны туда!

Всё не было письма из Ленинграда.

И вдруг она услышала: "Блокада".

Тревожно побежала в сельсовет,

Секретаря знакомого спросила.

Тот пояснил... Опять душа заныла,

Что от Володи писем нет и нет.

Пекла ли хлеб, варила ли картошку,

Всё думала: "Послать бы хоть немножко.

За тыщу вёрст сама бы понесла!"

И стыли щи, не тронутые за день:

Вся в думах о голодном Ленинграде,

Старуха мать обедать не могла.

Она была и днём и ночью с теми,

Кто день и ночь, всегда, в любое время,

Работал, защищая Ленинград,

И выполнял военные заданья

Ценой бессонницы, недоеданья

Любой ценой, как люди говорят...

...Опять скворцы в скворечни прилетели,

И ожил лес под солнышком апреля,

И зашумели вербы у реки...

Из Севастополя прислал письмо Григорий:

"Воюем, мать, на суше - не на море.

Вот как у нас дерутся моряки!"

Она письмо от строчки и до строчки

Пять раз прочла, потом к соседской дочке

Зашла и попросила почитать.

Хоть сотню раз могла она прослушать,

Что пишет сын про море и про сушу

И про своё уменье воевать.

И вдруг за ней пришли из сельсовета.

В руках у председателя газета:

- Смотри-ка, мать, на снимок. Узнаёшь?

Взглянула только: "Сердце, бейся тише!

Он! Родненький! Недаром снился! Гриша!

Ну до чего стал на отца похож!"

Собрали митинг. Вызвали на сцену

Героя мать - Хохлову Аграфену.

Она к столу сторонкой подошла

И поклонилась. А когда сказали,

Что Гришеньке Звезду Героя дали,

Заплакала. Что мать сказать могла?..

...Шла с вёдрами однажды от колодца,

Подходит к дому - видит краснофлотца.

Дух захватило: Гриша у крыльца!

Подходит ближе, видит: нет, не Гриша

В плечах поуже, ростом чуть повыше

И рыженький, веснушчатый с лица.

- Вы будете Хохлова Аграфена?

И трубочку похлопал о колено.

- Я самая! Входи, сынок, сюда!

Помог в сенях поднять на лавку вёдра,

Сам смотрит так улыбчиво и бодро

Так к матери не входят, коль беда.

А мать стоит, глядит на краснофлотца,

Самой спросить - язык не повернётся,

Зачем и с чем заехал к ней моряк.

Сел краснофлотец: - Стало быть, мамаша,

Здесь ваша жизнь и всё хозяйство ваше!

Как управляетесь одна? Живёте как?

Мне командир такое дал заданье:

Заехать к вам и оказать вниманье,

А если что - помочь без лишних слов.

- Ты не томи, сынок! Откуда, милый?

И кто послал-то, господи помилуй?

- Герой Союза старшина Хохлов!

Как вымолвил, так с плеч гора свалилась,

Поправила платок, засуетилась:

- Такой-то гость! Да что же я сижу?

Вот горе-то! Живём не так богато

В деревне нынче с водкой плоховато,

Чем угостить, ума не приложу!

Пьёт краснофлотец чай за чашкой чашку;

Распарился, хоть впору снять тельняшку,

И, вспоминая жаркие деньки,

Рассказывает складно и толково.

И мать в рассказ своё вставляет слово:

- Вот как у нас дерутся моряки!

- Нас никакая сила не сломила.

Не описать, как людям трудно было,

А всё дрались - посмотрим, кто кого!

К самим себе не знали мы пощады,

И Севастополь был таким, как надо.

Пришёл приказ - оставили его...

- А Гриша где? - Теперь под Сталинградом,

В морской пехоте. - Значит, с братом рядом?

Там у меня ещё сынок, Илья.

Тот в лётчиках, он у меня крылатый.

Один - рабочий, три ушли в солдаты.

Моряк в ответ: - Нормальная семья!

Она его накрыла одеялом,

Она ему тельняшку постирала,

Она ему лепёшек напекла,

Крючок ослабший намертво пришила,

И за ворота утром проводила,

И у ворот, как сына, обняла...

...В правлении колхоза на рассвете

Толпились люди. Маленькие дети

У матерей кричали на руках.

Ребята, что постарше, не шумели,

Держась поближе к матерям, сидели

На сундучках, узлах и узелках...

Они доехали. А многие убиты

По беженцам стреляли "мессершмитты",

И "юнкерсы" бомбили поезда.

Они в пути тяжелом были долго,

За их спиной ещё горела Волга,

Не знавшая такого никогда.

Теперь они в чужом селе, без крова.

Им нужен кров и ласковое слово.

И мать солдатская решила: "Я - одна...

Есть у меня картошка, есть и хата,

Возьму семью, где малые ребята,

У нас у всех одна беда - война".

Тут поднялась одна из многих женщин

С тремя детьми, один другого меньше,

Три мальчика. Один ещё грудной.

- Как звать сынка-то? - Как отца, - Анисим.

Сам на войне, да нет полгода писем...

- Ну, забирай узлы, пойдём со мной!

И стали жить. И снова, как бывало,

Она пелёнки детские стирала,

Опять повисла люлька на крюке...

Всё это прожито, всё в этой хате было,

Вот так она ребят своих растила,

Тоскуя о солдате-мужике.

В большой России, в маленьком селенье,

За сотни вёрст от фронта, в отдаленье,

Но ближе многих, может быть, к войне,

Седая мать по-своему воюет,

И по ночам о сыновьях тоскует,

И молится за них наедине.

Когда Москва вещает нам: "Вниманье!

В последний час... " - и затаив дыханье

Мы слушаем про славные бои

И про героев грозного сраженья,

Тебя мы вспоминаем с уваженьем,

Седая мать. То - сыновья твои!

Они идут дорогой наступленья

В измученные немцами селенья,

Они освобождают города

И на руки детишек поднимают;

Как сыновей, их бабы обнимают.

Ты можешь, мать, сынами быть горда!

И если иногда ты заскучаешь,

Что писем вот опять не получаешь,

И загрустишь, и дни начнёшь считать,

Душой болеть - опять Илья не пишет,

Молчит Володя, нет вестей от Гриши,

Ты не грусти. Они напишут, мать!